

РЕЦЕНЗИИ И ПОЛЕМИКА

УДК 94“04/14” + 94(367) + 94(497.2) + 34“04/14” + 34(367) **К. Р. Капсалыкова**

СЛОВО И ВЛАСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

Рец. на кн.: *Biliarsky I. A. Word and Power in Mediaeval Bulgaria / I. A. Biliarsky. — Leiden ; Boston : Brill, 2011. — 582 p. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450, ISSN 1872-8103 ; vol. 14).*

Изучение процесса формирования славянской правовой семьи является одним из ключевых направлений исследований в отечественной и зарубежной историко-правовой науке. Культурно-историческая общность славянских народов, активные контакты славянских государств с Византией и странами Латинского Запада обусловили важное место, которое славянская правовая семья занимала в правовой картине средневекового мира. В связи с этим анализ юридического языка и правовой терминологии Первого и Второго Болгарских царств представляет значительный научный интерес.

Изучение данной проблемы началось еще в конце XIX — начале XX в. с трудов классиков болгарского позитивизма В. Н. Златарского и П. С. Мутафчиева, чешского историка К. Й. Иречека, русского слависта А. Ф. Гильфердинга. Исследования по истории болгарского средневекового права были продолжены во второй половине XX в., когда развернулась оживленная дискуссия о времени создания и происхождении такого древнейшего памятника славянского права, как Закон судный людем. В этот период появились первые обобщающие труды по истории болгарского государства и права [см.: Ангелов, Андреев]. Отметим также ряд исследований, посвященных рассмотрению

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.А18.21.0480 «Император и элиты: модели взаимодействия в кризисные периоды истории Византии».

правовых реалий периода Первого Болгарского царства [см.: Петрова; Добрев; Павлов], а также влиянию законодательства средневековой Болгарии на сопредельные страны [см.: Vašica, S. 147—198; Тихомиров; Щапов].

Новая книга известного болгарского историка Ивана Билярского «Слово и власть в средневековой Болгарии» во многом продолжает традиции болгарской историографии, но использованные автором методологические подходы позволили внести значительный вклад в проблему изучения юридической терминологии средневековых болгарских текстов. Признанный специалист по культуре и философии Средневековья, И. Билярский считает, что «история имеет особое значение в формировании этнической или национальной идентичности» [Biliarsky, p. 255]. Главный вопрос, занимающий этого исследователя, касается идентичности человека, причисляющего себя на протяжении Средневековья к болгарскому племени. По мнению И. Билярского, идентичность выражается прежде всего в самой возможности разговаривать на понятном сообществу языке (p. 183).

Не случайно в центре внимания автора рецензируемой книги оказывается сложный процесс перехода болгарского этноса от кочевых традиций к византийской политической культуре. Подобный переход был сопряжен с большим количеством травм и рисков идентичности (p. 257). И. Билярского интересуют в первую очередь именно эти теоретические вопросы. Исследование словаря юридических актов болгарских царей в данном случае является элегантным решением поставленной задачи. В книге почти отсутствуют характерные для болгарской историографии психологические портреты, подернутые романтической дымкой. Их наличие значительно увеличило бы объем и без того монументального исследования.

Структура монографии И. Билярского обусловлена задачами, которые поставил перед собой исследователь. В первой части книги («Глоссарий средневековой болгарской юридической лексики», p. 17—181) автором были собраны и проанализированы наиболее значимые юридические термины из правовых памятников IX—XIV вв. Более поздняя юридическая лексика И. Билярским не рассматривалась, что обусловлено спецификой источников XV—XVIII вв. Следует также отметить, что избранная И. Билярским форма изложения материала очень удобна и, вне всякого сомнения, будет востребована исследователями истории средневекового права.

Глоссарий содержит более шестисот словарных статей, снабженных подробной библиографией. Большое место в терминологическом словаре уделено этимологическим изысканиям, формам и времени бытования тех или иных юридических понятий. Исходя из этимологического анализа правовой лексики, И. Билярский указывает на сложную задачу, стоявшую перед правителями Болгарского государства. С приходом в Болгарию восточного христианства и византийской культуры потребность в законодательстве, которое более соответствовало бы новым жизненным реалиям, чем нормы традиционного права, резко возросла. Кроме взаимодействия с Византией, во всех сферах общественной жизни Болгария поддерживала обширные связи с Германией, Русью, Венгрией, Венецией, Дубровником, что также нашло отражение в правовом лексике.

коне и юридической практике. Однако болгарское общество хорошо помнило и старые, принесенные из евразийских степей обычаи. Тюркское наследие продолжало играть важную роль в правовой культуре на протяжении всего периода истории Первого Болгарского царства — времени формирования болгарской государственности.

В словаре приводится юридическая лексика, которую условно можно поделить на несколько групп. Первая группа представлена примерно десятком слов, оставшихся от тюркских, степных времен [напр., *больринь*, *больрка*] (р. 38). Ко второй группе относится большое количество греческих терминов, означавших, как правило, названия учреждений, ведомств или должностей [напр., *аподохия*, *η ἀποδόχιον*; *арико*, *το ἀρικόν*] (р. 27—28). Византийские заимствования, относящиеся к сфере государственного управления, сыграли структурообразующую роль в Первом Болгарском царстве. К этой же группе следует отнести некоторые термины, имеющие латинские корни [например, *вистиярь*, *vestiarium*] (р. 33). Отдельные небольшие группы состояли из терминов германского [вещь, от готского *weihts*; ср. с нем. *Wicht*] и славянского [например, *благо*, *blago*; *богатство*, *bogatstvo*] (р. 33, 37) происхождения. Автор отмечает, что германская терминология, как правило, органично входила в официальный юридический лексикон, тогда как славянская преимущественно использовалась в разговорном языке (р. 273).

По мнению И. Билярского, заимствования «демонстрируют механизмы создания правовой лексики в Болгарии» (р. 274). Автор указывает, что названия должностей могли иметь смешанное происхождение, а простое заимствование часто заменялось калькированием и созданием славянского аналога. Усвоение той или иной функции, присущей государству, проходило параллельно с усвоением из того или иного языка слова, обозначающего новый административный, финансовый или налоговый институт.

Вторая часть монографии представляет по своей сути обширный комментарий к глоссарию. В пяти главах рассматриваются проблемы изучения законодательных текстов (Закон судный людем, акты Хиландарского, Ватопедского и других монастырей, грамоты царей Первого и Второго царств), возникновения и употребления слов-конструктов, обозначавших различные органы власти, административные должности и воинские звания. Отдельно автор рассматривает происхождение терминологии, связанной с судопроизводством, налогообложением, церковными структурами.

Особый интерес представляют выводы автора относительно юридических реалий последних лет существования Первого Болгарского царства, когда старый правящий род Дуло уступил власть энергичным сыновьям комита Николы — Аарону, Давиду, Моисею и Самуилу. Борьба за власть среди Комитопулов развернулась на фоне грандиозного военного противостояния с Византийской империей, считающей территорию Северных Балкан зоной своего влияния. В этих условиях чрезвычайно важным для болгарских правителей являлся вопрос о легитимности их власти. Не случайно в начале XI в. сын Аарона Иван Владислав приказал установить в Битоле каменную стелу с надписью, в которой он назван «самодержцем». И. Билярский отмечает, что

«было заимствовано греческое слово, создана калька, чтобы обозначить на болгарской земле византийскую реальность» (р. 215). Впоследствии, уже во времена Второго Болгарского царства, византийская политическая терминология хорошо прижилась на славянской почве.

Становление административной и особенно налоговой системы Первого Болгарского царства до настоящего времени исследовано недостаточно. И. Билярский указывает, что система управления, созданная царями Симеоном, Петром и Самуилом, после капитуляции Первого Болгарского царства в 1018 г. оказалась «под юрисдикцией гораздо лучше организованного государства с гораздо более сложной налоговой системой» (р. 395). Справедливость этого замечания трудно подвергнуть сомнению. Болгарская экономика при Комитопулах в течение сорока лет обеспечивала возможность оказывать достойное сопротивление Византии. Архаичная, построенная на принципе личных отношений административная система обладала определенным запасом прочности. Несмотря на то, что права и обязанности полководцев Самуила не были определены законодательно, сплоченная вокруг царя военная верхушка не только руководила военными действиями против императорских армий, но и достаточно эффективно поддерживала порядок во внутренних районах страны. При таком положении дел Самуил мог не собирать высокие налоги: для этого не было ни ресурсов, ни особой необходимости. Из «Поучения» Кекавмена, дед которого Димитрий Полемарх воевал на стороне Комитопулов против империи, известно, что заботы о продовольствии для стратегически важных городов входили в число повседневных дел полководцев. «Закупи также и чужое зерно и ввези его туда же. Запаси столько зерна, сколько нужно для тебя и твоей семьи, а также для рабов и свободных, которые должны будут... выходить с тобой на битву... Пусть то же самое сделают... другие», — советовал Кекавмен, воспринявший богатый военный опыт деда [Советы и рассказы, с. 267]. Однако подобная система управления хорошо работала только в период войны. В мирное время, если бы Комитопулам довелось править в менее экстремальных условиях, она распалась бы на отдельные структурные элементы по территориальному принципу. На смену верности и усердной службе военачальников пришли бы проявления сепаратизма.

В связи с этим кардинальные изменения, произошедшие на территории Болгарии после византийского завоевания, представляются совершенно оправданными. Из молодого и агрессивного государства Болгария превратилась в зависимую территорию, разделенную на три фемы — Болгария, Паристрион и Сирмий. Юго-западная (наименее лояльная Константинополю) часть страны была полностью лишена военных структур и отдана под управление гражданским чиновникам. Уничтожение традиционных для Первого Болгарского царства институтов власти, ведущих свою историю еще от степных просторов Евразии, привело к возникновению новой политической реальности, сформированной по образу и подобию византийской. Именно по этой причине Второе Болгарское царство ментально намного ближе Византии, чем весь лоск «полугрека» Симеона.

В заключение отметим, что книга Ивана Билярского «Слово и власть в средневековой Болгарии» посвящена не только реконструкции правовых реалий

Первого и Второго Болгарских царств. По нашему мнению, она одновременно подводит итоги длительного периода изучения данной проблемы и является фундаментальной основой для дальнейших исследований по истории государства и права Болгарии и других средневековых стран.

Ангелов Д., Андреев М. История болгарского государства и права : пер. с болг. / под ред. С. Ф. Кечекьян, предисл. Г. Г. Литаврина. М., 1962. 456 с. [Angelov D., Andreev M. Istoriya bolgarskogo gosudarstva i prava : per. s bolg. / pod red. S. F. Kechek'yan, predisl. G. G. Litavrina. M., 1962. 456 s.].

Добрев П. Българи, тюрки, славяни. Физическите им образи в ранните средновековни паметници. София, 1996. 141 с. [Dobrev P. B'lgari, tyurki, slavyani. Fizicheskite im obrazi v rannite srednovekovni pametnitsi. Sofiya, 1996. 141 s.].

Павлов П. Залезът на Първото българско царство (1015–1018). София, 1999. 96 с. [Pavlov P. Zalez't na P'rvoto b'lgarsko tsarstvo (1015–1018). Sofiya, 1999. 96 s.].

Петрова Г. Престъпленията в средновековна България. София, 1992. 204 с. [Petrova G. Prest'pleniyata v srednovekovna B'lgariya. Sofiya, 1992. 204 s.].

Советы и рассказы Кекавмена. Поучение византийского полководца XI в. / изд. подгот. Г. Г. Литаврин. СПб., 2003. 709 с. [Sovety i rasskazy Kekavmena. Pouchenie vizantijskogo polkovodtsa XI v. / izd. podgot. G. G. Litavrin. SPb., 2003. 709 s.].

Тихомиров М. Н. Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции. М., 1961. 286 с. [Tikhomirov M. N. Zakon Sudnyj lyudem Prostrannoj i Svodnoj redaktsii. M., 1961. 286 s.].

Щанов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. 291 с. [Schapov Ya. N. Vizantijskoe i yuzhnoslavyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv. M., 1978. 291 s.].

Biliarsky I. Old Testament Models and the State in Early Medieval Bulgaria // The Old Testament in Byzantium. Selected papers from a symposium held Dec. 2006, Dumbarton Oaks / ed. by P. Magdalino, R. Nelson. Washington, 2010. P. 255–277.

Vasica J. Soudní zákonik pro lid // Magnae Moraviae fontes historici. T. 4: Leges, textus iuridici, supplementa. Brno, 1971. S. 147–198.